

Конец геополитики и начало геополитики: США в Центральной и Юго-Западной Азии

Автор:

Афтаб Кази, PhD (Питсбургский университет), старший научный сотрудник Института изучения Кавказа и Средней Азии и Программы по изучению Шелкового Пути SAIS, Университет Дж. Хопкинса и исследователь Центра социальных исследований, профессор международной и сравнительной политики, Американский университет в Центральной Азии

(Доклад на конференции "Перспективы взаимоотношений ЕС и Центральной Азии", состоявшейся 27 апреля 2007 г. в г. Берлин (Германия). Посольство Кыргызской Республики и Akademikerbund, Hamburg e.V.)

В конце 2005 года произошла реорганизация Государственного департамента, в ходе которой Центральная Азия оказалась в ведении Отдела по делам Южной Азии. Вместе с законом "Шелковый Путь II", принятым Палатой представителей Соединенных Штатов, и последующей за этим конференцией на тему "Торговли и развития в Большой Центральной Азии", состоявшейся в апреле 2006 года в Кабуле, изменения в текущей политике в сторону Партнерства Большой Центральной Азии (ПБЦА) определили новые особенности политической стратегии в отношении Центральной и Южной Азии, отличающейся от проводившейся с 1992 года политики в отношении данного региона. Новая политическая линия основана на концепции геополитики, при этом особый акцент делается на региональной и межконтинентальной торговле и развитии посредством исторических традиционных транспортных путей Центральной Азии в направлении Южной Азии, на побережье Аравийского моря, а не на военном присутствии в регионе.

Первыми учеными, разработавшими концепцию геополитики стали Джордж Демко, географ при Государственном департаменте США, и его знакомый Вильям Вудз, тоже географ – при Дартмутском колледже. Данный термин был введен в качестве аналитического инструмента с целью объяснения политических вопросов, которые стали актуальными в мире после Второй мировой войны и на пороге XXI века. Геополитика отличается от геополитики и геополитической экономики XIX века тем, что, будучи междисциплинарным явлением, она объединяет в себе географию, политику и экономику. Вместо поиска энергетических ресурсов она обращает внимание на коридоры энергосбыта, явление XXI века, помимо проблем, связанных с наносимым окружающей среде ущербом, информационными технологиями, имеющих геостационарный характер, а также проблем и перспектив экспорта электроэнергии и воды с

помощью линий электропередачи и трубопроводов. Ни один из традиционных аналитических инструментов политического реализма не способен в полной мере дать объяснение реалиям постсоветского периода. Здесь можно назвать целый ряд проблем – от энергетических коридоров до этнополитики и национализма на постсоветском пространстве. Данная концепция также позволяет объяснить тот факт, что для постсоветских государств Центральной Азии и Кавказа, не имеющих выхода к морю, характерна собственная геополитическая индивидуальность, при этом нередко региональная взаимозависимость приобретает большую значимость по сравнению с международной помощью.

Таким образом, меняется сама концепция новой "большой игры" в регионе, которую, как кажется, применяют в отношении региона многие аналитики, следуя традиции российско-британской борьбы за влияние в XIX веке. В новом сценарии могут быть отражены противоречащие интересы нескольких мировых держав в регионе. Существующий политический строй на деле определяют личности регионального масштаба, что является нежелательным для многих мировых держав. После распада СССР мало кто ожидал, что политика в регионе будет определяться внутренними изменениями во власти, а не конкурирующими властными отношениями. Новый баланс сил в регионе, возглавляемый Китаем и Россией в рамках ШОС, отражает геополитические особенности и специфику государств, не имеющих выхода к морю, которые определяют будущее региона.

Лишь немногие осознают тот факт, что постсоветское пространство не только испытало геополитическую встряску, но стало свидетелем возникновения новых геополитических сфер и реалий в регионе. Геополитическая сфера влияния Китая, которая первоначально распространялась только на Юго-Восточную Азию, теперь включает в себя Юго-Западную Азию, где Пакистан обеспечивает доступ к портам Аравийского моря. Здесь также отражен поиск на территории Центральной Азии альтернативных транспортных путей через традиционные коммерческие коридоры. В отличие от устремлений царской России и СССР, новая геополитика одновременно расширяет доступ к пакистанским портам на центральную часть России, Монголию, Западный Китай, Афганистан, а также на всю территорию Центральной Азии. Хотя в этом случае мы не видим очевидного повторения истории, в возникающем региональном политическом строе в Центральной и Южной Азии наблюдается сходство с некоторыми известными современной исторической науке эпохами с точки зрения особенностей торговли и борьбы за транспортные маршруты, существовавшими около четырех тысяч лет назад, а также в период средневековья. Можно предположить, что именно в таком направлении будут развиваться отношения между Евросоюзом и США с одной стороны и богатой энергетическими ресурсами

Центральной Азией – с другой.

Как правило, считается, что древние маршруты Шелкового Пути проходили по суше. При этом нередко забывают о морских маршрутах. Около 4 тыс. лет назад цивилизации Китая и Центральной Азии, совместно с индийской цивилизацией вели торговлю с Месопотамией через юго-западные морские порты на территории современного Пакистана, которая жителями Месопотамии именовалась "Меллуха", а местным населением – "Синд". Бассейн реки Инд исторически выступал в качестве традиционной границы между Центральной Азией и Бхаратом, который в XIX веке начал именоваться Индией только британцами, следовавшим традиции Александра Македонского. Однако та Индия на самом деле включала в себя территорию современного Пакистана, а не Бхарат, называющийся Индией. Исторически территория Синда простиралась от Кашмира до современного Карачи и Белуджистана. Слово "Индия", берущая начало от слова "Инд", связанного с великими древними цивилизациями Мохендо-Даро и Харрапа в Юго-Западной Азии, имевшими тесные связи со схожими цивилизациями в Китае, Центральной Азии, Персии и Месопотамии. В начале н.э. великое Кушанское царство вело межконтинентальную торговлю через порт Барбарикон на Аравийском море (этот порт, который местные жители называли Бамбором, ныне разрушен и находится приблизительно в 60 километрах от современного Карачи) с Египтом, греческими государствами и Римской империей. Суэцкого канала в то время не существовало. Корабли отправлялись из Барбарикона, через Аравийское море достигали Красного моря, а затем попадали в Средиземное море через канал между Красным морем и р. Нил, достигая Греции и Римской империи. Такая морская торговля позволяла доставлять такие товары как китайский шелк, индиго, хлопковую продукцию, которая в те дни пользовалась популярностью в Египте и в Европе.

В наши дни планируется открытие новых "шелковых путей", повторяющих старые маршруты с помощью автомобильного, железнодорожного и морского транспорта с учетом достижений современной науки и техники.

Измерение Центральной Азии: поиск альтернативных транспортных маршрутов, путей транспортировки энергоресурсов, а также стимулы для экспорта электроэнергии и воды и возможность создания хлопковой картели в Центральной и Юго-Западной Азии. Среди функционирующих на этот день новых "шелковых путей" можно назвать маршрут Алматы-Карачи (из Алматы в Бишкек, в Кашгар, в пакистанский Каракурам, вдоль Индской магистрали и через пакистанскую дорожную сеть в Карачи и Гавадар. Существуют маршруты через Афганистан, из Термеза в Мазари-Шариф и из Джалал-Абада в Пешавар вдоль Индской

магистрала в Карачи и Гавадар. При финансировании АБР и CAREC строится трансазийская сеть автомобильных и железных дорог через Афганистан, позволяющих соединить все центральноазиатские государства вплоть до Европы. Задачей новой геополитики транзитных путей является внедрение Центральной Азии в мировую экономику.

Измерение США: несмотря на бытующие ранее теории о новой Большой игре, которые основывались на возможном участии США в регионе с помощью военных средств, важным событием является крупное политическое смещение в сторону торговли в рамках доктрины ПБЦА, целью которой является экономическое присутствие. До настоящего времени инвестиции из Евросоюза и США в регионе были, как правило, ограничены энергетической отраслью. В будущем же инвестиции геополитического характера, вероятнее всего, по своей сути и масштабам будут отличаться большим многообразием. Для достижения долгосрочного сотрудничества Евросоюзу и США придется найти баланс между своими требованиями, связанными с демократизацией и соблюдением прав человека, и существующим уровнем политической культуры в регионе. Взаимоотношения с Центральной Азией и окружающими ее регионами следует рассматривать через призму возникшего недавно геополитического строя, основывающегося на региональных персоналиях, имеющих геополитическую значимость, при возможном доминирующем влиянии Китая и России.

Расстояние между юго-западными азиатскими портами Пакистана и центральноазиатским пространством имеет конкурентное преимущество. С точки зрения геополитики, особую значимость как транснациональные узлы, соединяющие Китай, Россию, Центральную Азию с Ближним Востоком и остальным миром, имеют Гавадар и Карачи.

(Вследствие временных ограничений, во время данного выступления не было возможности более подробно остановиться на следующих пунктах. Автор приносит свои извинения.) **Разъяснить:** энергетические коридоры, такие как ТАРП, ИП; возможность создания хлопковой картели в Пакистане и Центральной Азии; инвестиции со стороны стран Персидского залива, а также Японии, Китая, Сингапура и др. в Гавадаре и современные темпы инвестирования.

Тем не менее, чтобы быть конкурентоспособной в контексте мировой торговли, Центральной Азии необходимы крупные инвестиции в инфраструктуру. На настоящий момент основными инвесторами в Кыргызской Республике являются Китай, Россия и Казахстан, хотя инвестируемые суммы нельзя назвать крупными. Международная помощь, как правило, оказывается в форме мелких грантов или целевой помощи. Именно здесь Евросоюз и США могли

бы сыграть важную роль в развитии инфраструктуры, необходимой для торговли. Именно в этой сфере центральноазиатским республикам нужно стряхнуть с себя постколониальный синдром регрессии, который в подобных обстоятельствах испытывают практически все государства. Здесь уже существуют необходимые знания, умения и таланты. Нужна политическая воля, чтобы разработать и внедрить соответствующие политические меры для построения государства и нации, а также осуществления региональной экономической интеграции с целью экономического и социального развития. Пришло время для того, чтобы структуры гражданского общества включили в свое число сотни местных ассоциаций. Именно сейчас необходимо, чтобы центральноазиатские республики обратили пристальное внимание на зарождающиеся повстанческие тенденции и приняли существенные меры по восстановлению порядка на внутреннем социально-экономическом и политическом фронте.

Каким образом старая геополитика постепенно превращается в геополитику? Геополитика является постепенно развивающимся эволюционным процессом в геополитике, концептуализированной Макиндером, Хаушауфером и другими, которая зачастую связывалась с конкуренцией в военной сфере, и поэтому стала неотъемлемой частью военной и внешней политики. В XIX веке доминирующими силами в регионе была Британия и Россия, при этом Британией осуществлялся фактический контроль над субконтинентом. Баланс сил в наши дни в основном обусловлен силами регионального масштаба. На протяжении XIX века и даже в эпоху Холодной войны, вплоть до XXI века геополитика служила противостоянию двух сверхдержав. Впервые возможности для сотрудничества предоставляет именно геополитика, с характерным для нее акцентом на транзитные пути.

Межконтинентальная торговля, по всей вероятности, поможет ликвидировать существующие разрывы, вызванные конфликтом интересов в регионе. Таким образом, наше поколение ученых становится свидетелем конца традиционной геополитики, на смену которой приходит ориентированная на взаимозависимость глобальная геополитика.